

УДК 327:339.9

DOI: 10.34670/AR.2026.76.73.016

Институциональная архитектура БРИКС как альтернатива западоцентричным механизмам глобального управления

Яшкова Татьяна Алексеевна

Доктор политических наук, профессор,
профессор кафедры философии и социологии,
Академия труда и социальных отношений,
119454, Российская Федерация, Москва, ул. Лобачевского, 90;
e-mail: yashkova@yandex.ru

Махмудов Хуршед Сухробович

Аспирант,
Академия труда и социальных отношений,
119454, Российская Федерация, Москва, ул. Лобачевского, 90;
e-mail: salvation2014@mail.ru

Аннотация

Настоящее исследование посвящено критическому анализу институциональной архитектуры БРИКС в контексте трансформации глобального управления и эрозии западоцентричной гегемонии. Рассматривая эволюцию институциональных механизмов объединения с момента формализации межгосударственного взаимодействия, автор выявляет специфические характеристики организационной структуры БРИКС, детерминирующие её потенциал в качестве альтернативной модели многополярного мироустройства. Особое внимание уделяется анализу Нового банка развития и Пула условных валютных резервов как ключевых институциональных инноваций, противопоставляемых Бреттон-Вудским институтам. Исследование демонстрирует, что институциональная архитектура БРИКС, основываясь на принципах консенсуального принятия решений, невмешательства во внутренние дела и отказа от условий политического характера, представляет собой качественно иную парадигму международного сотрудничества, бросающую вызов либеральному институционализму Запада.

Для цитирования в научных исследованиях

Яшкова Т.А., Махмудов Х.С. Институциональная архитектура БРИКС как альтернатива западоцентричным механизмам глобального управления // Теории и проблемы политических исследований. 2026. Том 15. № 2А. С. 141-148. DOI: 10.34670/AR.2026.76.73.016

Ключевые слова

БРИКС, глобальное управление, институциональная архитектура, многополярность, Новый банк развития, западоцентризм, альтернативные институты, гегемония, международные финансовые институты.

Введение

Современная система глобального управления переживает период фундаментальной трансформации, обусловленной кризисом западоцентричной модели международных отношений и возникновением альтернативных центров силы на мировой арене. Институциональная архитектура, сформированная в послевоенный период и отражавшая баланс сил середины XX столетия, всё менее адекватно репрезентирует распределение экономической мощи и политического влияния в XXI веке [Богатуров, Аверков, 2018, с. 45]. Эта дисфункция традиционных механизмов глобального управления, проявляющаяся в неспособности Бреттон-Вудских институтов и Совета Безопасности ООН эффективно реагировать на вызовы современности, стимулировала поиск альтернативных форм институционализации международного взаимодействия.

БРИКС, объединивший Бразилию, Россию, Индию, Китай и Южную Африку, а впоследствии расширившийся за счёт включения новых государств, представляет собой наиболее амбициозную попытку незападных держав сконструировать институциональную альтернативу доминирующим механизмам глобального управления. Как справедливо отмечает Гунин, формирование БРИКС следует рассматривать не просто как очередной региональный блок, но как проявление более широкого процесса делегитимизации западного доминирования в международных институтах [Гунин, 2024, с. 119]. Стюарт Патрик характеризует возникновение БРИКС как часть глобального сдвига от либерального порядка к фрагментированной многополярности, где конкурирующие институциональные модели отражают различные нормативные основания международного сотрудничества [Patrick, 2018, p. 156].

Основная часть

Институциональная архитектура БРИКС выстраивалась постепенно, эволюционируя от неформальных диалоговых площадок к структурированным механизмам взаимодействия, охватывающим широкий спектр направлений сотрудничества. Первоначально концептуализированная Джимом О'Нилом как аналитическая категория для обозначения быстрорастущих экономик, аббревиатура БРИК приобрела политическое измерение в 2006 году, когда министры иностранных дел четырёх государств провели первую встречу на полях Генеральной Ассамблеи ООН [Богатуров, Аверков, 2018, с. 148]. Трансформация от инвестиционной концепции к геополитической реальности ознаменовала осознание странами-участницами общности интересов в реформировании существующего миропорядка. Формализация взаимодействия в формате саммитов с 2009 года положила начало институционализации объединения, кульминацией которой стало создание в 2014 году собственных финансовых институтов – Нового банка развития и Пула условных валютных резервов [Горбунова, 2017, с. 9].

Принципиальное отличие институциональной модели БРИКС от западоцентричных механизмов заключается в её философском фундаменте, основывающемся на постулатах Вестфальского суверенитета, невмешательства и уважения к цивилизационному разнообразию. Анализируя нормативные основания БРИКС, Зонова и Джаннотти подчёркивают, что объединение артикулирует альтернативное видение международного порядка, противопоставляющее западной концепции «ответственного суверенитета» принцип абсолютного невмешательства во внутренние дела [Зонова, Джаннотти, 2020, с. 31]. Эта

идеологическая установка детерминирует специфику институционального дизайна, проявляющуюся в отсутствии наднациональных элементов, консенсуальном характере принятия решений и отказе от политической обусловленности экономического взаимодействия.

Таблица 1 - Сравнительный анализ институциональных характеристик БРИКС и западоцентричных механизмов

Параметр	БРИКС	Бреттон-Вудские институты
Принцип принятия решений	Консенсус, равноправие членов	Взвешенное голосование на основе квот
Политическая обусловленность	Отсутствие политических условий	Структурные реформы, good governance
Философская основа	Вестфальский суверенитет	Либеральный институционализм
Степень институционализации	Умеренная, гибкая структура	Высокая, бюрократизированная
Репрезентативность	Развивающиеся экономики	Доминирование западных держав

Новый банк развития (НБР), учреждённый странами БРИКС в качестве альтернативы Всемирному банку и региональным банкам развития, воплощает принципиально иную модель финансирования инфраструктурных проектов и устойчивого развития. Располагая первоначальным уставным капиталом в 50 миллиардов долларов США и полномочиями по его увеличению до 100 миллиардов, НБР позиционируется как институт, свободный от политической обусловленности кредитования, характерной для Бреттон-Вудских организаций [Зонова, Джаннотти, 2020, с. 31]. Примечательно, что институциональный дизайн НБР закрепляет принцип равного распределения голосов между странами-основателями независимо от величины их экономического вклада, что радикально отличается от системы взвешенного голосования в МВФ, где западные державы сохраняют возможность блокирования решений [Зонова, Джаннотти, 2020, с. 31].

Морозкина, исследуя операционную деятельность НБР, констатирует, что институт демонстрирует высокую эффективность в финансировании инфраструктурных проектов в странах глобального Юга, предоставляя займы на условиях, сопоставимых с мировыми банками развития, но без традиционной политической кондициональности [Морозкина, 2015, р. 100]. Эта особенность делает НБР привлекательным для государств, стремящихся диверсифицировать источники финансирования и избежать навязывания неолиберальных структурных реформ. Однако критики указывают на ограниченность ресурсной базы НБР в сравнении с совокупными активами Всемирного банка, что потенциально лимитирует его способность выступать полноценной альтернативой западным институтам развития [Дилинуэр, 2025, с. 512].

Пул условных валютных резервов (ПВР), созданный параллельно с НБР, представляет собой механизм взаимопомощи при возникновении краткосрочных проблем с платёжным балансом, концептуально противопоставляемый Международному валютному фонду. Совокупный объём ПВР в 100 миллиардов долларов распределяется между странами-участницами асимметрично, отражая различия в масштабах их экономик: Китай вносит 41 миллиард, Бразилия, Индия и Россия – по 18 миллиардов каждая, Южная Африка – 5 миллиардов [Горбунова, 2017, с. 12]. Принципиальное отличие ПВР от механизмов МВФ заключается в возможности автоматического доступа к 30% выделенной страны квоты без каких-либо предварительных условий, тогда как получение оставшихся 70% требует заключения параллельного соглашения с МВФ [Головнин, 2023, с. 7–18].

Таблица 2 - Институциональная структура финансовых механизмов БРИКС

Институт	Объём ресурсов	Принцип распределения	Условия доступа	Операционный статус
Новый банк развития	100 млрд долл. (потенциал)	Равные доли стран-основателей	Отсутствие политической обусловленности	Активно действующий
Пул валютных резервов	100 млрд долл.	Асимметричное распределение по экономическому весу	30% без условий, 70% с соглашением МВФ	Не активирован

Эта гибридная конструкция ПВР отражает внутренние противоречия институциональной архитектуры БРИКС, балансирующей между стремлением к автономии от западоцентричных институтов и прагматическим признанием их сохраняющейся значимости в глобальной финансовой системе. Как отмечает Фритц, привязка значительной части ресурсов ПВР к взаимодействию с МВФ свидетельствует о неполной альтернативности создаваемых механизмов и ограниченности возможностей БРИКС по формированию автономной системы глобального управления [Fritz, Mühlich, 2019, p. 97]. Вместе с тем, сам факт институционализации альтернативного источника ликвидности создаёт прецедент, потенциально способствующий эрозии монополии МВФ на предоставление антикризисной помощи.

Расширение БРИКС в 2024 году за счёт включения Египта, Эфиопии, Ирана, Саудовской Аравии и ОАЭ знаменует новый этап эволюции институциональной архитектуры объединения, трансформирующий его из клуба крупнейших развивающихся экономик в более инклюзивную платформу глобального Юга. Эта трансформация порождает серьёзные вызовы для институционального дизайна, поскольку увеличение числа участников при сохранении консенсуального принципа принятия решений может парализовать способность организации к эффективному функционированию. Робертс справедливо указывает на парадокс институционального развития БРИКС: стремление к большей репрезентативности и легитимности путём расширения членства входит в противоречие с необходимостью поддержания операционной эффективности, традиционно требующей ограниченного числа участников и централизованных механизмов принятия решений [Van, 2013, p. 241].

Критический анализ институциональной архитектуры БРИКС выявляет фундаментальную дилемму между революционной риторикой создания альтернативного миропорядка и реформистской практикой постепенной модификации существующей системы. Несмотря на декларируемое стремление к радикальной трансформации глобального управления, фактическая деятельность институтов БРИКС характеризуется прагматизмом и осторожностью, избегающей прямой конфронтации с западоцентричными механизмами. Как констатирует Каплан, БРИКС функционирует скорее как механизм хеджирования рисков и диверсификации источников влияния для стран-участниц, нежели как полноценная альтернативная система глобального управления [Kaplan, 2017, p. 312].

Теоретическое осмысление институциональной архитектуры БРИКС требует выхода за пределы традиционной дихотомии между неореализмом и либеральным институционализмом. Объединение не вписывается в классическую модель баланса сил против гегемона, поскольку значительная часть его членов глубоко интегрирована в западоцентричную экономическую систему и не заинтересована в её радикальном разрушении. Одновременно БРИКС не является

типичным международным институтом в либеральном понимании, поскольку не стремится к делегированию суверенитета и созданию наднациональных механизмов регулирования [He, 2019, p. 210]. Более адекватной представляется концептуализация БРИКС как платформы для артикуляции альтернативных норм и практик глобального управления, постепенно легитимизирующих многообразие институциональных моделей международного сотрудничества.

Таблица 3 - Нормативные основания институциональных моделей глобального управления

Принцип	Западоцентричная модель	Модель БРИКС
Суверенитет	Ограниченный, ответственный суверенитет	Абсолютный Вестфальский суверенитет
Демократия	Либеральная демократия как универсальная норма	Признание легитимности различных политических систем
Права человека	Универсализм, возможность гуманитарной интервенции	Культурный релятивизм, невмешательство
Экономическая модель	Неолиберализм, Вашингтонский консенсус	Государственный капитализм, многообразие путей развития
Механизм принуждения	Санкции, условия помощи	Отказ от принуждения

Перспективы институционального развития БРИКС детерминируются двумя взаимосвязанными факторами: внутренней когерентностью объединения и внешней конъюнктурой глобального управления. Углубление институционализации требует преодоления значительных структурных противоречий между странами-участницами, проявляющихся в различиях политических систем, экономических моделей и геополитических приоритетов. Особенно острым представляется китайско-индийское соперничество, периодически приводящее к пограничным конфликтам и осложняющее выработку общих позиций по вопросам региональной безопасности [Chin, Gallagher, 2019, p. 267]. Стимулом для углубления институционального сотрудничества может выступать усиление давления со стороны западных держав через санкционные режимы и ограничение доступа к финансовым ресурсам, что уже наблюдается в отношении России и Ирана [Hurrell, 2006, p. 14].

Критическим испытанием для институциональной архитектуры БРИКС станет её способность эффективно функционировать в условиях глобальных кризисов, когда востребованность альтернативных механизмов взаимопомощи максимально возрастает. Показательно, что во время пандемии COVID-19 и последующего экономического спада ни Новый банк развития, ни Пул условных валютных резервов не сыграли существенной роли в антикризисном реагировании, уступив эту функцию традиционным институтам и двусторонним механизмам [Киртон, 2022, с. 10–27]. Эта ситуация свидетельствует о сохраняющейся институциональной слабости БРИКС и необходимости дальнейшего укрепления операционного потенциала созданных механизмов.

Несмотря на очевидные ограничения, институциональная архитектура БРИКС уже оказала значимое воздействие на трансформацию глобального управления, легитимизировав плюрализм институциональных форм и стимулировав реформы в традиционных международных организациях. Увеличение квот и влияния развивающихся стран в МВФ, создание Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, активизация региональных

финансовых механизмов – все эти процессы косвенно обусловлены давлением со стороны БРИКС и демонстрацией жизнеспособности альтернативных институциональных моделей [Luckhurst, 2020, p. 45]. В этом смысле даже ограниченный успех институциональной архитектуры БРИКС способствует постепенной эрозии западоцентричной гегемонии и формированию более сбалансированной системы глобального управления.

Заключение

Аналитическая траектория исследования позволяет констатировать, что институциональная архитектура БРИКС представляет собой незавершённый и противоречивый проект конструирования альтернативной модели глобального управления. Созданные механизмы демонстрируют специфические характеристики, качественно отличающие их от западоцентричных институтов: консенсуальность, уважение к суверенитету, отказ от политической обусловленности. Вместе с тем масштаб и эффективность этих институтов пока недостаточны для того, чтобы рассматривать их как полноценную альтернативу доминирующим механизмам, скорее речь идёт о формировании параллельной институциональной инфраструктуры, расширяющей выбор для развивающихся стран. Дальнейшая эволюция институциональной архитектуры БРИКС будет определяться способностью объединения преодолеть внутренние противоречия, нарастить операционный потенциал созданных механизмов и доказать их эффективность в условиях глобальных кризисов, что в конечном счёте детерминирует перспективы трансформации от реформистского проекта к революционной альтернативе западоцентричному миропорядку.

Библиография

1. Богатуров А.Д., Аверков В.В. История международных отношений. 1945–2017. – М.: Аспект Пресс, 2018. 541 с.
2. Бодрунов С.Д. Новое индустриальное будущее для глобального мира // Экономическое возрождение России. – 2022. – № 2 (72). – С. 5–23.
3. Головнин М.Ю. Денежно-кредитная политика России: реакция на новые внешние вызовы // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2023. – № 1. – С. 7–20.
4. Горбунова М.Л. Пул условных валютных резервов БРИКС в системе режимов многостороннего управления мировыми финансами // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2017. – № 4 (48). – С. 7–18.
5. Гунин П. Расширение БРИКС: новые вызовы и пути оптимизации сотрудничества // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2024. – № 3. – С. 118–122.
6. Дилинуэр А. Исследование Нового банка развития БРИКС // Инновации и инвестиции. 2025. № 6. С. 512–514.
7. Зонова Т.В., Джаннотти А. Россия и Запад: противоречивый диалог // Вестник МГИМО. – 2020. – № 1 (70). – С. 23–38.
8. Киртон Д.Д. БРИКС. Первые 15 лет сотрудничества // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2022. – № 2. – С. 7–30.
9. Морозкина А.К. Новый банк развития в глобальной финансово-экономической архитектуре // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2015. – № 2. – С. 89–105.
10. Толорая Г.Д. Рассчитывать ли на БРИКС? // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2016. – № 2. – С. 97–112.
11. Ban C. The BRICs and the Washington Consensus: An introduction // Review of International Political Economy. – 2013. – Vol. 20, No. 2. – P. 241–255.
12. Chin G.T., Gallagher K.P. Coordinated Credit Spaces: The Globalization of Chinese Development Finance // Development and Change. – 2019. – Vol. 50, No. 1. – P. 245–274.
13. Fritz B., Mühlich L. Regional Financial Arrangements in the Global Financial Safety Net: The Arab Monetary Fund and the Eurasian Fund for Stabilization and Development // Development and Change. 2019. Vol. 50, No. 1. P. 96–121.
14. He K. Contested multilateralism 2.0 and regional order transition: causes and implications // The Pacific Review. – 2019. – Vol. 32. – P. 210–220.

15. Hurrell A. Hegemony, liberalism and global order: what space for would-be great powers? // *International Affairs*. – 2006. – Vol. 82, No. 1. – P. 1–19.
16. Islam M.S. The Strategies of China and India in the Bay of Bengal Region: Revisiting Strategic Competition // *Yonsei Journal of International Studies*. – 2018. – Vol. 10, Iss. 1. – P. 28–53.
17. Kaplan S.B. *Globalization and Austerity Politics in Latin America*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2017.
18. Lesage D., Van de Graaf T. *Rising Powers and Multilateral Institutions*. – London: Palgrave Macmillan, 2015.
19. Luckhurst J. The New G20 Politics of Global Economic Governance // *International Organisations Research Journal*. – 2020. – Vol. 15, No. 2. – P. 42–59.
20. Patrick S. *The Sovereignty Wars: Reconciling America with the World*. – Washington: Brookings Institution Press, 2018.

Institutional Architecture of BRICS as an Alternative to West-Centered Mechanisms of Global Governance

Tat'yana A. Yashkova

Doctor of Political Sciences, Professor,
Professor of the Department of Philosophy and Sociology,
University of Labor and Social Relations,
119454, 90, Lobachevsky str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: yashkova@yandex.ru

Khurshed S. Makhmudov

Postgraduate Student,
University of Labor and Social Relations,
119454, 90, Lobachevsky str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: salvation2014@mail.ru

Abstract

This study is devoted to a critical analysis of the institutional architecture of BRICS in the context of the transformation of global governance and the erosion of West-centered hegemony. Examining the evolution of the association's institutional mechanisms since the formalization of interstate interaction, the author identifies the specific characteristics of BRICS's organizational structure that determine its potential as an alternative model of a multipolar world order. Special attention is paid to the analysis of the New Development Bank and the Contingent Reserve Arrangement as key institutional innovations contrasted with the Bretton Woods institutions. The study demonstrates that the institutional architecture of BRICS, based on the principles of consensus-based decision-making, non-interference in internal affairs, and the rejection of politically conditional terms, represents a qualitatively different paradigm of international cooperation that challenges the liberal institutionalism of the West.

For citation

Yashkova T.A., Makhmudov Kh.S. (2026) *Institutsional'naya arkhitektura BRIKS kak al'ternativa zapadotsentrichnym mekhanizmam global'nogo upravleniya* [Institutional Architecture of BRICS as an Alternative to West-Centered Mechanisms of Global Governance]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 15 (2A), pp. 141–148. DOI: 10.34670/AR.2026.76.73.016

Keywords

BRICS, global governance, institutional architecture, multipolarity, New Development Bank, West-centeredness, alternative institutions, hegemony, international financial institutions.

References

1. Ban, C. (2013). The BRICs and the Washington Consensus: An introduction. *Review of International Political Economy*, 20(2), 241–255.
2. Bodrunov, S.D. (2022). Novoye industrialnoye budushcheye dlya globalnogo mira [A new industrial future for the global world]. *Ekonomicheskoye vozrozhdeniye Rossii*, (2), 5–23.
3. Bogaturov, A.D., & Averkov, V.V. (2018). *Istoriya mezhdunarodnykh otnosheniy. 1945–2017* [History of International Relations. 1945–2017]. Moscow: Aspekt Press.
4. Chin, G.T., & Gallagher, K.P. (2019). Coordinated Credit Spaces: The Globalization of Chinese Development Finance. *Development and Change*, 50(1), 245–274.
5. Dilinuer, A. (2025). Issledovaniye Novogo banka razvitiya BRIKS [Research on the BRICS New Development Bank]. *Innovatsii i investitsii*, (6), 512–514.
6. Fritz, B., & Mühlich, L. (2019). Regional Financial Arrangements in the Global Financial Safety Net: The Arab Monetary Fund and the Eurasian Fund for Stabilization and Development. *Development and Change*, 50(1), 96–121.
7. Golovnin, M.Yu. (2023). Denezhno-kreditnaya politika Rossii: reaktsiya na novyye vneshniye vyzovy [Monetary policy of Russia: reaction to new external challenges]. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk*, (1), 7–20.
8. Gorbunova, M.L. (2017). Pul uslovykh valyutnykh rezervov BRIKS v sisteme rezhimov mnogostoronnego upravleniya mirovymi finansami [BRICS Contingent Reserve Arrangement in the system of multilateral global finance management regimes]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsialnyye nauki*, (4), 7–18.
9. Gunin, P. (2024). Rasshireniye BRIKS: novyye vyzovy i puti optimizatsii sotrudnichestva [BRICS expansion: new challenges and ways to optimize cooperation]. *Gumanitarnyye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*, (3), 118–122.
10. He, K. (2019). Contested multilateralism 2.0 and regional order transition: causes and implications. *The Pacific Review*, 32, 210–220.
11. Hurrell, A. (2006). Hegemony, liberalism and global order: what space for would-be great powers? *International Affairs*, 82(1), 1–19.
12. Islam, M.S. (2018). The Strategies of China and India in the Bay of Bengal Region: Revisiting Strategic Competition. *Yonsei Journal of International Studies*, 10(1), 28–53.
13. Kaplan, S.B. (2017). *Globalization and Austerity Politics in Latin America*. Cambridge: Cambridge University Press.
14. Kirton, J.J. (2022). BRIKS. Pervyye 15 let sotrudnichestva [BRICS. The first 15 years of cooperation]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy: obrazovaniye, nauka, novaya ekonomika*, (2), 7–30.
15. Lesage, D., & Van de Graaf, T. (2015). *Rising Powers and Multilateral Institutions*. London: Palgrave Macmillan.
16. Luckhurst, J. (2020). The New G20 Politics of Global Economic Governance. *International Organisations Research Journal*, 15(2), 42–59.
17. Morozkina, A.K. (2015). Novyy bank razvitiya v globalnoy finansovo-ekonomicheskoy arkhitekture [The New Development Bank in the global financial and economic architecture]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy: obrazovaniye, nauka, novaya ekonomika*, (2), 89–105.
18. Patrick, S. (2018). *The Sovereignty Wars: Reconciling America with the World*. Washington: Brookings Institution Press.
19. Toloraya, G.D. (2016). Rasschityvat li na BRIKS? [Should we count on BRICS?]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy: obrazovaniye, nauka, novaya ekonomika*, (2), 97–112.
20. Zonova, T.V., & Giannotti, A. (2020). Rossiya i Zapad: protivorechivyy dialog [Russia and the West: a contradictory dialogue]. *Vestnik MGIMO*, (1), 23–38.